

Турция в межвоенный период 1918-1938 годов. Часть 3.

Власть нации и окружающий мир

Государства-нации предпочитают дружить на мировой арене с кем-то против кого-то. Задолго до Лозанны, первой, в 1920 году, признала новую Турцию Советская Россия. Развитие эти отношения получили в 1925 году в Париже, где было заключено советско-турецкое соглашение о дружбе и нейтралитете. Такая документально заверенная дружба особенно пришлась к месту для Турции, на фоне её внутривосточной обстановки и конфликта с Англией по Мосулу.

Россия и Турция договорились соблюдать нейтралитет в случае войны третьей стороны с одной из них, не нападать друг на друга и стараться не дружить с кем-либо против одной из сторон договора. Советская сторона считала, что полноценной дружбы быть не может, если не включить в договор положение, фактически облегчающее прохождение через Проливы советских военных судов. Турецкое правительство с этим категорически не согласилось и заявило, что хочет дружить со всеми и желает быть мостом между Западом и Востоком.

В последующие годы Турция установила дипломатические отношения с Германией, Австрией, Болгарией, Венгрией, Польшей, Югославией и другими странами. В 1926 году Турцией был заключён договор о нейтралитете со своим давним соперником — мусульманским Ираном. Спорные территориальные вопросы с Ираном были урегулированы в 1932 году. С державами-победительницами отношения складывались не столь гладко.

Англия и Франция поддержанные США не собирались просто так отказываться от множества своих привилегий в Турции, дарованных им ранее султанской властью. Вопросы “лозаннского наследства” решались на протяжении многих лет при сильнейшем финансовом и политическом давлении западных держав, что приводило в результате к значительным уступкам со стороны Турции. А проблем было море: урегулирование внешней задолженности Турции перед Францией и Англией; быть или не быть турецкими нефтеносным районам Мосула и Киркука, захваченным Англией; вернёт ли Турции санджак Александретта Франция, удерживающая его в составе Сирии как подмандатную территорию; отмена кабального, полуколониального таможенного тарифа действовавшего в Турции; условия деятельности в стране иностранных концессий, торговых палат, школ; восстановление дипотношений с США и другие вопросы.

Ошибка при загрузке изображения

Официальный визит шаха Ирана Резы Пехлеви в Турцию, 16 июня-2 июля 1934 года.

Мы не ставим целью разбирать и освещать каждый из этих вопросов. Пробежимся коротко по некоторым. Мосул остался под крылом англичан, ибо Гаагский трибунал постановил, что население Мосула предпочитает не

присоединяться ни к одной из сторон, что справедливо этот район передать Ираку исходя из “потребностей нормального развития” последнего, Англии же следует продлить мандат над Ираком на 25 лет. Перспектива получить в свой состав Мосул настолько обрадовала гордых иракских националистов, что они даже согласились великодушно поддержать продление английского мандата над ними. Кемалисты не рискнув вызвать новый вооружённый конфликт 5 июля 1926 года признали свой отказ от Мосула.

Как мы увидим ниже, непримиримый “национальный дух” почти всех заинтересованных сторон был удовлетворён — турки обрели выбор между получением в течение 20 лет 10% доходов от мосульской нефти с благодарного иракского правительства, находящегося вместе со “своей” нефтью под чутким мандатом Англии, либо капитализировать свою долю доходов в размере 500 тыс. фунтов стерлингов.

Что ж, каждый гордый “национальный дух” обрёл толику экзистенциального счастья, а эти проценты, мандаты и нефть в свой черёд нормализовали отношения Турции с Англией и Францией. Но история с мосульской нефтью не закончилась и по сей день, в турецкой историографии вынужденный отказ от Мосула до сих пор оценивается как крупнейшая территориальная и экономическая потеря Турции. Ведь турецкая нация сегодня в состоянии обеспечивать свои растущие потребности в нефти за счёт внутренней добычи всего только на 10-15% как раз из региона, находящегося в непосредственной близости от Мосула и Киркука. Демократическая борьба за нефть Ирака и Сирии развернувшаяся в последние годы вызывает крайнюю озабоченность со стороны всех международных участников альтруистического соревнования за ресурсы.

Национальные права меньшинств этих территорий готовы самоотверженно защищать США, Англия, Турция, Российская Федерация, Франция и иже с ними. Отсюда же растут непоколебимые намерения Турции защищать права турок-киприотов, а Греции — отстаивать греческие национальные интересы на добычу ресурсов в Эгейском и Средиземном морях. Как мы понимаем, всё дело в “национальных генах” и “национальной душе”, конечно же.

Ошибка при загрузке изображения

Мосул, 1932 год.

Кемалисты считали что США, точнее их капитал — “наиболее безопасны и заслуживают доверия”, посему в Турции питали большие надежды на американцев. Ради такого дела кемалисты пытались реанимировать план Честера, предусматривавший строительство железных дорог на территории Анатолии и эксплуатацию природных ресурсов вдоль этих линий. Но к концу 1923 года дело с нашумевшей концессией Честера провалилось, американская нация не спешила вкладывать большие капиталы в турецкую нацию, потому что взгляды и аппетиты защитников национальных интересов США были прикованы к мосульской нефти. А поскольку выяснилось, что, судя по всему, Турция к этой нефти отношения уже не имеет, было намного интереснее добывать эту нефть вместе с англичанами.

Выдвинутое Турцией в августе 1923 года предложение дружить с американцами было воспринято в сенате США с неудовольствием. Особенно возмутительным было наглое вымогательство со стороны турок о признании Штатами отмены капитуляционного режима. В стране Свободы стали циркулировать небылицы и сенсационные факты о новой Турецкой Республике, о том что кемалисты превратили 3000 церквей в конюшни, казармы и публичные дома и что турецкое правительство держит в отвратительном рабстве в турецких гаремах свыше 100 000 христианских женщин и детей.

А вот была бы у турок нефть и не отменяли бы они концессии, и дело могло бы обернуться совершенно иначе. Но в их случае предложение о возобновлении дипотношений пролежало в сенате до 1927 года и под давлением демократов было отвергнуто. Тем не менее в том же 1927 году дипломатические отношения были восстановлены путём обмена письмами между верховным комиссаром США в Турции адмиралом Бристолем и министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюшту.

Особняком стояла проблема обмена населением между Грецией и Турцией. Двусторонний обмен в целом был завершён к окончанию 1924 года. Из Турции было выселено около 200 тыс. греков, а из Греции — свыше 300 тыс. турок. В дни контрнаступления турецкой армии на интервентов в 1922 году из Турции бежали свыше 1 млн. греков [10]. Отъезд из страны более 1 млн. человек в столь короткие сроки означал для Турции потерю значительной массы квалифицированной рабочей силы, а также нарушение торговли и обслуживания, но националистический божок неумолим и требует жертв ради национальных интересов. Новые турецкие собственники национальных интересов и греческих предприятий и фабрик, не сразу сумели пустить в дело брошенные средства производства. С крестьянами и чернорабочими прибывшими на смену квалифицированным кадрам сделать это было крайне сложно.

Государства Антанты, спровоцировавшие Грецию на интервенцию против Турции, не оказывали сколько-нибудь действенной помощи многочисленным беженцам ни в Греции, ни в Турции. Сотни тысяч беженцев усиливали дезорганизацию хозяйственной жизни обеих стран и отвлекали большие средства на их размещение и материальное обеспечение. Огромной массе греческих беженцев пришлось первоначально жить в Греции в поистине нечеловеческих условиях.

Что касается иностранного капитала и концессионных контрактов, заключённых союзниками с султанским правительством до 29 октября 1914 г., то кемалисты не намеревались их ликвидировать и лишь настаивали, что иностранные компании должны подчиняться “законам и языку” новой турецкой власти. Так мягко и дипломатично, чтобы не раздражать лишний раз иностранный капитал, правительство Турции осуществляло свою политику на его национализацию.

В 1924 году была ликвидирована крупнейшая французская табачная монополия “Режи”, начался планомерный выкуп железных дорог и муниципальных предприятий. Не все промышленные, торговые, страховые и прочие иностранные компании национализировались таким образом, часть из них реорганизовывалась в турецкие акционерные общества со смешанным капиталом и некоторые из них, такие как банки и страховые компании, существуют по сей день. Но при этом шла активизация в реорганизации и создании частных фирм с иностранным капиталом, наибольший пик пришёлся на 1928-1929 гг., до начала мирового экономического кризиса.

Иностранные торговые палаты, действовавшие в основном в Стамбуле и Измире вызывали особое недоверие и беспокойство со стороны турецких властей. Членами этих палат были не только представители иностранных компаний, но и их посредники и агенты, представители национальных меньшинств — греки, евреи и армяне, зачастую имевшие подданство тех стран, с фирмами которых они сотрудничали. Приняв в 1926 году ограничительные меры в деятельности иностранных торговых палат, чуть позже кемалистское правительство окончательно их закрыло.

Старые долги Османской империи, понаделанные ею ещё в 1854 г. в ходе Крымской войны против России, никто списывать и забывать не намеревался.

До 1914 года банки различных европейских государств больше 40 раз предоставляли империи ссуды и займы. Оттоманский долг, согласно Лозаннскому договору, было необходимо поделить между всеми новообразованными государствами, которые входили в состав бывшей Османской империи.

На Турцию вроде бы приходилась часть долга, но в договоре эта часть, а также валюта предстоящих платежей определена не была. Дальнейшее решение арбитражного суда Лиги Наций гласило, что долг Турции в денежном эквиваленте равен 84,6 млн. турецких лир. Турецкое правительство при любом удобном случае подтверждало свою твёрдую готовность выплатить внешний долг, настаивая на том, что 84,6 млн. будут выплачены в бумажных, а не в золотых лирах.

Французская нация, как основной держатель долга, была убеждена в том, что благородство и честность требуют от турецкой нации выплаты только в золотых лирах и никак иначе. На протяжении лет, вплоть до 1928 года, когда кредиторы вынужденно пошли на уступки, Турция так и не приступила к выплате долгов, к 1930 году сделав два платежа в различной валюте и вновь клятвенно подтвердив выплатить всё, Турция заявила о приостановке платежей ввиду валютных и финансовых трудностей вызванных бушующим мировым кризисом.

И без того впадшему в депрессию Совету Оттоманского долга турки предложили начать переговоры о сокращении долга в целом и уменьшении суммы ежегодных платежей в частности. В 1933 году наконец удалось решить долговой вопрос, время и настойчивость турок сделали своё дело, постоянно твердя о готовности выплатить долги и не отказываясь от переговоров, они за 10 лет фактически так и не приступили к выплате долга. Финансовая турецкая дипломатия добилась рассрочки платежей на 50 лет и общая сумма долга согласно новому договору с кредиторами от 1933 г. исчислялась 8,6 млн. золотых лир. С тех пор постоянной статьёй платёжного баланса Турции стали выплаты по долгу, вплоть до досрочной оплаты Оттоманского долга в 1954 году.

Важнейшим внешнеполитическим событием для Турции было принятие её в Лигу Наций летом 1932 года. Укрепление международных позиций Турции позволило ей участвовать в двусторонних и многосторонних дипломатических договорах. Среди них можно отметить создание Балканской Антанты в 1934 г, данный союз Греции, Румынии, Югославии и Турции, заключённый в Афинах, преследовал целью сохранение сложившегося на Балканах соотношения сил после Первой мировой войны.

Не менее важное место занял Саадабадский пакт 1937 г., ознаменовавший политический блок Турции, Ирана, Ирака, Афганистана. К этому можно добавить решение территориального спора с Францией по поводу Александреттского санджака в подмандатной французам Сирии. В 1939 г. он был присоединён к Турции. В 1936 году на международной конференции в Монтрё был пересмотрен режим Проливов.

Ошибка при загрузке изображения

После подписания Саадабадского пакта. Данный пакт является документом, оформившим политический блок четырёх держав: Турции, Ирана, Ирака, Афганистана; подписан 8 июля в Тегеране, в Саадабадском дворце иранского шаха.

Для СССР Проливы как и раньше, для Российской Империи, имели важное военно-стратегическое и торговое значение и советская сторона поддержала требование Турции выработать новую международную конвенцию о Проливах.

Принятая в Монре́е конвенция, действующая до сих пор, не в полной мере удовлетворяла интересы черноморских держав, чему на переговорах поспособствовала позиция Англии, чьи интересы совпадали с интересами Турции. Конвенция фактически предоставляла Турции исключительное право толковать соглашение и проводить его в жизнь по своему усмотрению. Усиление английского влияния в Турции во второй половине 1930-х гг. способствовало укреплению греко-турецкого союза с момента создания Балканского союза, так как в Греции английское влияние уже давно играло решающую роль.

Власть нации и Великая депрессия

Годы кризиса подтвердили слабость турецкой экономики и её зависимость от экономики мировой. Основной удар в аграрной Турции пришёлся на сельское хозяйство. Сократились посевные площади ячменя и пшеницы, посевная площадь табака — важнейшей на тот момент статьи турецкого экспорта, сократилась на 32,5% и сбор упал на с 66,6 тыс. т. до 36,5 тыс. т. в течение 1928-1929 гг. [11]. А в 1932 г. табачного листа и вовсе было собрано 18 тыс. тонн. Во всех других отраслях также наблюдался существенный спад: снижение спроса на текстиль во внутреннем рынке повлекло за собой кризис в хлопководстве; сократилось поголовье рогатого скота в животноводстве; в промышленности местный производитель оказался не в состоянии конкурировать в условиях кризиса с фабричной продукцией ввозимой из Европы по демпинговым ценам.

Кемалистская власть решила “закрыть” турецкую экономику, первым делом ограничив свободу валютных операций в стране, увеличив таможенные пошлины и введя импортные ограничения. Для поддержки турецкой лиры и торговли валютой был учреждён Центральный банк с правом эмиссии. Дабы не пугать частных предпринимателей термином “этатизм”, который всё чаще стал звучать в речах официальных лиц, были сделаны ряд заявлений, где подчёркивалось что вмешательство государства не означает замену частной инициативы, а наоборот — означает намерение государства поощрить и укрепить частную инициативу. В дополнение к этому заместитель министра экономики М.Шереф отметил:

...в экономике существуют определённые доминирующие позиции.<...> Если важнейшие позиции в экономике отдать в анархическое распоряжение либерализма, то за один год будут растрочены результаты десятилетних усилий[12].

Правящая Народно-республиканская партия в мае 1931 года приняла обновлённую программу, в основе которой лежала концепция этатизма, а локомотивом экономики был назван промышленный сектор с его основным инвестором в лице государства. Действия государства в промышленности и инфраструктуре за счёт выделения бюджетных средств приобретали комплексный, плановый характер.

Этатистские меры в экономике сопровождались полемикой в печати и в научной литературе. Али Фетхи Окьяр — сторонник М.Кемалю, с разрешения последнего создал в августе 1930 года Либерально-демократическую партию, которая оспаривала этатизм и защищала идеи либерализма. На неё возлагали большие надежды группы частных предпринимателей, недовольные этатистской индустриальной моделью и ущемлением их прибылей. Однако время для защиты либеральных ценностей этой партией выбрано было крайне

неудачно, особенно это странно выглядело на фоне краха либеральных мировых концепций. Либерально-демократическая партия заявила о самороспуске в ноябре того же года.

Ошибка при загрузке изображения

Ататюрк и Фетхи Окьяр, 1930 год.

Хотя тогда через прессу кемалисты и пожурили немного турецких капиталистов, указывая на то, что частный сектор будет реализовывать план государства медленно, поэтому принятая в 1933 г. пятилетка по промышленному развитию возложена на плечи государства. Хотя и было сказано, что капиталист преследует собственные интересы прибыльности, а не “высшие экономические интересы нации” и, наконец, обладает ограниченными возможностями, гоняется за лёгкими и авантюрными делами.

При всём при этом, хотя бы и взяв на себя роль совокупного капиталиста-предпринимателя в области промышленности, создав условия для ускоренной индустриализации, кемалистское правительство шагая в направлении экономической независимости заботливо несло на руках находившийся тогда ещё в нежном возрасте частный турецкий капитал. Этими мерами государство закрепило за частным капиталом обширную сферу наиболее выгодных форм предпринимательства, накопления капитала, банально непроизводительного обогащения.

Государство взяло на себя роль няньки для частного предпринимателя, да, хоть няньки строгой, но обеспечивающей здоровый и благополучный рост своего капризного подопечного. В смешанных акционерных обществах основная финансовая нагрузка лежала на государственном бюджете. За счёт государственных средств были подготовлены кадры: первые техники, инженеры, экономисты, администраторы — все они затем щедро питали своим опытом и знаниями частный сектор, оживляя в нём накопленный жирок миллионов лир и преобразуя его в мускулы для нового типа турка-предпринимателя, не торговца, а промышленника. В глазах М.Кемаля этатизм был не более чем эффективным инструментом в условиях кризиса, вынужденной мерой.

Частью нового предпринимателя — турка-промышленника, завёрнутого в этатистские пелёнки и пестуемого государством, становилась и сама бюрократия кемалистского государственного управленческого аппарата. Управляя растущим в 1930-х гг. госсектором чиновничество сумело значительно расширить и обновить экономический фундамент своего положения во внутренней жизни страны. Этатизм стал хорошей школой предпринимательства для турецкой бюрократии, приобщив её к экономической инициативе и капиталистическому хозяйствованию.

Ряды турецкой нации пополнили капиталисты-предприниматели — недавние государственные служащие. Частный сектор и государственный сектор не были антиподами, а успешно дополняли друг друга. В этом симбиозе частного и государственного секторов некогда могущественная прослойка местной инациональной буржуазии оказалась по большей части на обочине националистического праздника жизни в Турции. В течение 1930-х годов она претерпела изменения, под влиянием то смягчения, то ужесточения ограничительных мер кемалистских властей в отношении немусульманского капитала. Турки-капиталисты всё активнее овладевали новыми для них сферами коммерческой деятельности и оттеснённые даже от импортно-экспортных операций местные буржуа-не турки были вынуждены сотрудничать и делиться своими “успехами” с турецкими дельцами. Таковая их участь не должна вызывать удивления, ведь одним из основных врагов национальной турецкой буржуазии наряду с феодально-клерикальной

аристократией была буржуазия компрадорская.

Закрывать зародившиеся ещё в османское время профсоюзы и прочие общественные организации кемалистским властям позволил Закон об охране порядка, принятый в 1925 году. Создавать какие-либо организации рабочих как практически, так и юридически было невозможно вплоть до 1946 года. Разработка и подготовка законодательства о труде затянулась у кемалистов на долгие годы. Как отмечает Р.Корниенко в своей работе “Рабочее движение в Турции. 1918-1963”, Закон о труде, принятый в июне 1936 г. и вступивший в силу только через год, лишил турецкий пролетариат элементарных политических прав. Были категорически запрещены забастовки на всех предприятиях, определены меры о наказании забастовщиков, штрафы на крупную сумму и длительное тюремное заключение. Вместе с тем, как отмечает тот же автор, этот закон явился первым документом, регламентирующим условия труда рабочих.

Возникший к концу 1930-х годов государственно-капиталистический уклад стал основой индустриализации и экономического развития Турции. Экономическая концепция в турецкой экономике осуществлялась в том числе и с помощью СССР. В те годы Советская Россия не числилась в ряду главных торговых партнёров Турции, её доля во внешней турецкой торговле составляла 3-4%. Для восстановления и развития экономики Турция прежде всего нуждалась в промышленной продукции Германии, Франции, Англии, США и Италии, продолжая поставлять в эти страны традиционные товары экспорта — табак, хлопок и сухофрукты.

Руководство Турции не стремилось, конечно же, безоглядно перенимать ту или иную экономическую систему, поэтому премьер-министр Исмет Иненю отправился в СССР с визитом весной 1932 г. Спустя десять дней после поездки в Союз И.Иненю и министр иностранных дел Т.Рюшту с большой группой специалистов отправились в фашистскую Италию, посетив по дороге Афины. В Италии они были приняты диктатором Б.Муссолини и в итоге Турции было обещано 300 млн. итальянских лир, но как оказалось всё это так и осталось обещаниями.

В поездках турецких делегаций по СССР и Италии принимал участие “придворный летописец” Фалих Рыфкы Атай, который оценил их итоги в книге “Москва-Рим”, призывая “извлечь опыт из ленинизма в России, муссолинизма в Италии”. В своей работе Атай популярно излагал взгляды кемалистов на экономику, объясняя что Турция открыта для иностранного капитала, только если его деятельность не противоречит интересам независимой турецкой экономики и народа, конечно же. Принцип кемалистов в экономике он рисует как триаду — личность, государство и иностранный капитал.

Если учитывать только интересы личности, то можно докатиться до либеральной партии, поясняет читателям Атай, если занять сторону общества и не признавать личность — можно скатиться к большевизму, а если принимать только иностранный капитал, то речь идёт о скатывании к капитуляционному режиму. Турецкое правительство, согласно Атаю, катилось своей собственной экономической дорогой не скатываясь ни в одно из этих направлений. В принципе Ф.Атай положительно высказывался об опыте Советского Союза и выступал за сотрудничество с ним. Под впечатлением от поездки в Италию про фашизм он писал, что либеральная демократия не смогла найти способы предупреждения анархии и кризиса, народ устал от болтовни и Новый порядок будет искать свою собственную модель.

Ошибка при загрузке изображения

Ататюрк получает информацию о событиях в отечественной промышленности.

Особо тесные и продуктивные взаимоотношения с СССР у Турции были в отрасли текстильной промышленности. Турецкие специалисты по текстилю после посещения Союза пришли к убеждению, что на 90% необходимое Турции текстильное оборудование может быть обеспечено у Советов. В 1933 г. Турцией был получен советский кредит на строительство двух текстильных комбинатов в Кайсери и Назилли, и на поставку машин и оборудования для комбинатов. Сданы в эксплуатацию они были в 1935 и 1937 годах. В период строительства комбинатов, параллельно с этим в СССР прошли стажировку 15 турецких инженеров, было подготовлено свыше 140 квалифицированных турецких рабочих, мастеров и техников для работы на фабриках в Кайсери и Назилли. При комбинате в Кайсери было создано профессионально-техническое училище, в котором готовили квалифицированных рабочих не только для названных комбинатов, но и для других текстильных фабрик страны.

В 1927, 1931 и 1937 гг. были упорядочены торговые связи между Турцией и СССР. Однако и прочие страны, с учётом развёрнутого индустриального строительства и потребности Турции в промышленном оборудовании и технической помощи, тем более на фоне мирового спада экономики, постепенно увеличивали влияние своего капитала на турецкую экономику. Увеличили свою деятельность отделения крупных немецких банков, в частности Дойчебанк. В 1928 г. в Турции побывали германские финансисты Мюллер и Шахт, и по итогам обследования её экономического и финансового положения представили своему правительству широкий план освоения Турции.

В годы мирового кризиса 1929-1933 гг., многие торговые партнёры Турции — Англия, Франция, Бельгия — начали проводить ограничительные мероприятия, что затруднило сбыт турецких товаров на внешнем рынке. Если уже к 1926 году Германии удалось занять второе место после Италии во внешней торговле с Турцией, то в период Великой депрессии Германии сопутствовал полный успех. Тогда как удельный вес многих стран во внешнеторговом обороте Турции снижался, Германия продолжала развивать торговые отношения с кемалистами. Так, в 1930 г. доля Германии во внешней торговле Турции составляла 15%, в 1931 г. — 16%, в 1932 г. — 18%, в 1933 г. — 21%. С 1932 г. Германия уже заняла первое место во внешней торговле Турции. Эту позицию Германия удерживала до 1940 г., из года в год повышая свою долю в турецком товарообороте [13].

Ошибка при загрузке изображения

Ататюрк вместе с правительством изучает план субсидирования текстильной промышленности, 1935 г.

Германия стала одним из основных поставщиков машин и промышленного оборудования в Турцию. В рамках плана достижения Германией экономической независимости от мировых рынков и источников сырья, было создание “хинтерланда” — сферы германского экономического влияния на востоке и юго-востоке Европы. Начиная с конца 1920-х гг., в особенности в годы мирового кризиса, многие государства взяли курс на создание замкнутого национального или регионального хозяйства, обособленного от экономики других стран или регионов. К началу 1930-х гг. к решению проблемы формирования самодостаточного хозяйства, свободного от кризисного развития, обратились немецкие монополии. Решение проблемы “автаркии”, предложенное НСДАП пришлось по вкусу немецкому промышленно-финансовому капиталу, равно как и потенциал Гитлера и его партии в борьбе с усиливающимся рабочим движением и угрозой коммунистической революции в Германии.

Адольф Алоизович в полной мере оправдал возложенные на него надежды и сразу же после 30 января 1933 года приступил к массовым репрессиям в отношении к коммунистам и их союзникам. Однако массовую безработицу в стране это не решало, нужно было показать немецкому рабочему классу, что новое правительство последовательно защищает его интересы. И вот как раз первоочередная задача нацистского руководства в создании и перевооружении армии должна была увеличить число рабочих мест через максимально возможное расширение военно-промышленного комплекса. Но для реализации этих наполеоновских планов нацистам явно было недостаточно собственных сырьевых ресурсов и в рейхсканцелярии в мае 1933 г. пришли к выводу, что для создания соответствующей сырьевой базы в их ситуации необходимо расширить торговлю с другими странами.

Секретарь имперского министерства экономики Г.Поссе осенью того же года докладывал правительству, что следует наладить торговлю, основанную на принципе взаимности и при этом нужно прежде всего иметь в виду экономические регионы, в которых можно рассчитывать на овладение немецкими торговцами местных рынков. К таким регионам, в которых монополии немецкой нации ждал успех, были отнесены Восточная и Юго-Восточная Европа, а также Ближний Восток.

Для подчинения своим экономическим интересам стран тех или иных регионов, всяким уважающим себя империалистом умело используются торговые и экономические соглашения с этими странами. В годы Великой депрессии широкое распространение получили клиринговые торгово-экономические соглашения. Данный тип внешнеэкономического договора предусматривал обмен товарами между странами без использования для расчётов иностранной валюты и золота. В планах Германии значительное место отводилось Турции, из которой она вывозила табак, хлопок, шерсть и фрукты, но что было особенно важно для нацистского ВПК, такой стратегический материал как хром.

После прихода Гитлера к власти, 10 августа 1933 г. с Турцией было подписано клиринговое торговое соглашение, согласно которому турецкая сторона получала право вывозить в Германию товаров на 20% больше, чем ввозить к себе немецких товаров. Такая небывалая щедрость нацистов, казалось бы, открывала перед турецкой буржуазией широкие экспортные возможности и сулила большую выгоду. Поэтому кемалисты всячески поощряли торговлю с Германией и не останавливались даже перед применением административных мер в случае возникновения всякого рода препятствий.

Упустить такой шанс разбогатеть за счёт наивных и бестолковых в восточной торговле немцев? Да ни за что! Но прошло немного времени и “вдруг” стало очевидно, что такая выгода имеет и обратную сторону. Торговля Германии с Турцией происходила по безналичному расчёту, но при этом оценка товаров производилась в германских марках — в очень слабой по тем временам валюте. Однако при расчётах “наивные” немцы умудрялись искусственно завышать курс марки, что позволило им покупать турецкие товары по низкой цене, а свои продавать по высокой.

Например, пользуясь таким положением немцы закупали в больших количествах турецкую сельхозпродукцию, а потом реэкспортировали её в другие страны, получая за это валюту. Эта же безналичная система расчётов позволила Германии закупать некоторые турецкие товары по существенно более высоким, чем мировые, ценам. А раз немец платит больше, то выгоднее продавать ему! Немцы же тем самым добились вытеснения с турецкого рынка старых клиентов, плативших валютой. Очень скоро Германия стала должником Турции, предоставив ей большой внешнеторговый актив. Т.е. немцы брали у турок всё и много по высокой цене в эквиваленте германской

марки. Однако этот актив оставался замороженным в немецких марках по причине безналичного расчёта, что в реальности означало, предоставление Германии беспроцентного кредита от Турции.

Не имея другого выбора, “ушлые” турецкие торговцы были вынуждены приобретать германские промышленные товары по вздутым ценам, причём эти товары далеко не всегда были высокого качества. Нацисты же давали возможность своим отраслям промышленности, находившимся в депрессивном состоянии, сбывать часть продукции. В итоге такой выгодной на первый взгляд торговли, Турция не получала реальных денег за своё сырьё и всё больше впадала в зависимость от Германии. Вынужденная ориентация на германскую промышленность влекла за собой зависимость Турции от поставок запасных частей из Германии, а для ввода в эксплуатацию закупленного оборудования и вооружения кемалистам необходимо было постоянно расширять штат немецких военных и гражданских специалистов. Так ведь недалеко впасть не только в экономическую, но и в политическую зависимость.

К 1937 г. сумма германского долга за неоплаченные турецкие товары достигла уже 88 млн. марок, или 43 млн. турецких лир [14]. Однако не стоит недооценивать способность к самостоятельным действиям со стороны турецких националистов, которые многому научились у своих европейских учителей, ныне не любящих вспоминать, что национализм в те годы являлся главным европейским трендом и отлично так “взбодрил” капитализм, поникший было в межвоенный период. Для турецкой буржуазии образцом и вариантом европеизации была Англия. В преддверии Второй мировой войны экономические и внешнеполитические предпочтения кемалистов следовали диалектической логике единства и борьбы противоположностей. Часть националистов-капиталистов Турции видела своё будущее вместе с усиливающейся нацистской Германией, другая часть смотрела на Англию и Францию — бывших совсем недавно “врагами турецкой нации”.

Уже в 1936 г. Турция стала предоставлять военные заказы преимущественно английским фирмам. Так, в 1937 г. турки отклонили предложение фирмы Круппа на строительство укреплений в районе средиземноморских проливов и заключили более выгодное соглашение с английской фирмой. Дело не ограничилось только военными заказами, Англии было разрешено пользоваться турецкими военными базами, начать реконструкцию портов в Измире, Стамбуле, Трабзоне и строить военные корабли и аэродромы на турецкой территории. В том же 1936 году английской фирмой “Брассет” был выделен кредит в 3 млн. английских фунтов стерлингов на строительство металлургического комбината в Карабюке.

В 1937 году в турецкой печати велась долгая кампания против засилья Германии во внешней торговле. Краеугольным камнем во внешней политике Турции стали отношения с Англией, а не с СССР. Через печать часть либерально настроенной турецкой буржуазии высказывала мысль, что поведение Германии, домогающейся колоний, ставит Турцию в положение страны зависящей от монополий индустриальной державы и что Турция “полна решимости” не допустить, чтобы Германия, как и в 1914 г., рассматривала её в качестве опорной точки на Востоке.

И тем не менее, в 1938 г. торгово-экономические отношения между Германией и Турцией продолжали развиваться. Турция с 27-го места в общем немецком экспорте вышла на 10-е, а в 1939 г. турецкий импорт в Германию достиг 122,6 млн. немецких марок. В октябре 1938 г. было подписано соглашение с Третьим рейхом о кредите в 150 млн. марок. Предполагалось, что эти средства будут использованы турками для дальнейших закупок промышленного оборудования в Германии, а также для развития тех горнодобывающих и

сельско-хозяйственных отраслей, в продукции которых нуждалась сама Германия.

В годы, когда турецкие националисты ещё сомневались в том, кто же окажется сильнее в грядущей мировой войне и, следовательно, к кому выгоднее примкнуть, наметилось сближение Турции с Англией и Францией, что вызвало раздражение в Берлине. В 1939 г. с согласия Гитлера Геринг приказал задержать поставку в Турцию шести 240-миллиметровых пушек “Шкода” заказанных в Чехословакии, а затем этот запрет был распространён на все другие военные заказы Турции. Тогда же была аннулирована договорённость о предоставлении Турции немецкого кредита в 150 млн. марок. Позднее, весной 1940 г., когда нацистами была завоёвана почти вся Европа, турецкие националисты вновь стали склоняться к более тесному сотрудничеству с Третьим рейхом, но это уже другая история.

В конечном счёте общим итогом торгово-экономических отношений Германии и Турции в предвоенные годы стало укрепление финансово-экономических позиций немецкого капитала в Турции, что позволило немцам на протяжении почти всей Второй мировой войны использовать Турцию как один из основных источников сырья и продовольствия.

Турецкая Республика и материалистическая поступь Истории

Через госкапитализм, окрепнувший в 1930-40-е гг., кемалисты наглядно продемонстрировали тезис о государстве, как инструменте власти правящего класса. Государственные и партийные структуры на уровне верховной власти, олицетворяя совокупного капиталиста, не избежали капиталистической тенденции к максимизации прибылей, что проявилось корыстным произволом сверху донизу — от правительственных чиновников и генеральных директоров государственных экономических организаций (ГЭО), таких как Сумербанк, Управление сахарных заводов, Народный банк и др., до деревенских старост. Тем не менее следует смотреть на кемалистскую революцию 1918-1923 гг. и последующее развитие Турецкой Республики диалектически, как непрерывный, поступательный, динамический процесс.

Кемалисты собираясь с силами не придавали большого значения пантюркизму и за основу государственной идеологии взяли более “локальный” тюркизм. Правящая Народно-республиканская партия идеологически выковывала турецкую нацию посредством учебных заведений, госпредприятий и госучреждений, через конструирование новой национальной историографии, национальных мифов и национальных праздников. Так, широко стали отмечаться День Республики (Cumhuriyet Bayramı), День Молодежи и спорта (Gençlik ve Spor Günü), День национального суверенитета и детей (Ulusal Egemenlik ve Çocuk Bayramı), День Победы (над иностранными интервентами) (Zafer Bayramı), День Лозанны (Lozan Sulh Bayramı). Все эти праздники сопровождалась большими, общереспубликанскими мероприятиями. Наконец новая националистическая “религия” внедрялась через важнейший государственный институт — армию, в которой проходила свою школу крестьянская молодёжь. Однако секуляризация первоначально была принята лишь небольшой частью турецкого общества, основу которого в то время составляли сельские жители. Поэтому наряду с указанными праздниками отмечались традиционные исламские Рамадан и Курбан Байрам.

Ошибка при загрузке изображения

Кемалистский пропагандистский плакат.

В рамках борьбы с экономическими и властными полномочиями духовенства, в русле европеизации и секуляризации кемалистами было сделано немало реальных шагов для ознакомления населения Турции с западной культурой. Тогда на государственные средства начался массовый перевод и издание западных, русских и советских классиков. По инициативе Кемала Ататюрка были заложены первые основы республиканского национального искусства: драматические театры европейского направления, консерватория, кинематограф, музеи. С 9 апреля 1928 г. согласно поправке в конституцию ислам больше не считался государственной религией, а в 1937 г. в тексте конституции среди важнейших и не подлежащих отмене принципов был назван принцип светского государства. В ноябре 1934 г. по решению правительства мечеть Айя София стала музеем, к отрицанию чего ныне вполне закономерно пришёл наследник турецкого национализма слитого с исламизмом и пантюркизмом Р.Эрдоган. Кемалистами для укрепления турецкого национализма был осуществлён перевод Корана на турецкий язык, а молитвы предписано было читать на турецком языке.

Ошибка при загрузке изображения

Первый коран напечатанный на турецком языке в 1935 г. по указу Ататюрка.

Всё же исламисты даже в самые трудные для них годы 1930-е и 1940-е, оставались серьёзным политическим оппонентом кемалистов. Можно сказать, что к началу Второй мировой войны власть турецкой буржуазии стабилизировалась и она исчерпала свои без того ограниченные прогрессивные способности, поэтому дальнейшие буржуазные реформы приостановились. Дабы не раствориться в европеизации и секуляризации, идеологи турецкого национализма пришли к религиозной реакции. Ослабление позиций кемалистов в дальнейшем, особенно после Второй мировой войны, заставило правящую партию идти на уступки духовенству.

Как ни крути, а религиозный фанатизм и разжигание религиозной вражды, поставленные на службу национализму, в определённых условиях помогают отвлекать внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов.

В 1930-х годах для турецких националистов-капиталистов стало очевидным, что вопрос кавказских границ и кавказских народов нуждается в переосмыслении. Турция уже не находилась под угрозой исчезновения и ряд уступок, сделанных недавним противникам, для получения военной помощи, казались неоправданными. Кавказский конфликтный пояс-кордон становился вновь актуальным не только для турецких националистов, намеревавшихся воскресить планы иттихадистов в отношении Кавказа, но и для многих других стран, увидевших в полусгнившем трупe иттихадистских идей заманчивую перспективу.

Турецкие спецслужбы и посольства некоторых стран, особенно польская дипломатическая служба в Анкаре, не говоря уже о военных атташе, аккредитованных в Анкаре, стали проявлять живой интерес к услугам тех кавказских эмигрантов в Турции, которые оказались готовы вводить их в курс дела о положении в СССР. Польский посол Кноль в Анкаре проявлял повышенный интерес к выходцам из Кавказа и этот интерес стал постоянным занятием польской разведки, о чём знала и турецкая разведка, получая от поляков дружественную информацию о внутривнутриполитическом положении в СССР, о дислокации войск РККА и т.п. Конечно такое сотрудничество нескольких разведок на территории Турции с выходцами с Кавказа шло с

оглядкой на дружбу с Советским Союзом. Для попытки дестабилизации обстановки на Кавказе и борьбы теперь уже с Красной Армией были востребованы прежние борцы за независимость Кавказа проживавшие в Турции, например внук Шамиля — Саит-бей.

Не остался в стороне и французский посол в Турции (1926-28 гг.) Эмиль Дешнер, который доносил в свой МИД, что Турция и есть та страна, которая может способствовать новой организации Кавказа. По мнению посла переход под власть Турции областей, находящихся под властью Советов, отвечал бы интересам западных империалистов. Дешнер был уверен, что британское правительство не возражало бы, если территории Аджарии, Нахичевани, Карабаха, части Армении и Азербайджана до Куры были отданы туркам. В таком случае турецкое правительство могло претендовать на получение кредитов для освоения и поддержки новых территорий.

Ошибка при загрузке изображения

Ататюрк на праздновании дня независимости страны. 1929 г. Анкара.

Предпосылки для вмешательства турок в дела Кавказа имелись, так как в Дагестане, Чечне, Карабахе, Ингушетии, Карачаеве периодически возникали волнения на религиозной и этнической почве. Так, появление турецких войск могло привести к вооружённому восстанию в Азербайджане и вполне возможно перекинуться на Среднюю Азию. На Турцию, как страну способную повлиять на вопрос кавказских народов возлагали надежды и западные представительства. Кавказская эмиграция всё больше внимания уделяла усиливавшейся Германии, как возможной участнице войны с Советским Союзом. Часть из этой эмиграции считала, что укрепление позиций Германии в Турции способствовало бы дальнейшему продвижению нацистов на Восток. Как справедливо отмечалось в их реляциях своим немецким друзьям, множество офицеров турецкой армии, в том числе высший состав, получили образование в Германии и являются её поклонниками. 14 июля в Брюсселе представителями национальных эмигрантских центров Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии был подписан Договор о создании Конфедерации народов Кавказа, в котором праотцы нынешних буржуазных национальных республик Закавказья писали:

Наш пакт — лишь юридическое выражение сегодняшней борьбы и завтрашней победы... Народы Кавказа, стоя на почве Пакта, призывают все угнетённые народы и нации Советского Союза разрушить объединёнными силами коммунистическую тиранию и построить жизнь в общем согласии наций и народов на основе свободы и добрососедства [15].

Отрадно видеть в 2021 году, что их мечты сбылись и мы наконец-то живём на националистической основе капиталистического добрососедства и свободы народов. Следует отметить, что в данном пакте было заботливо оставлено место для Армянской республики. Турция же изначально поддержала эту Конфедерацию, рассчитывая что в случае неудачи СССР в будущей большой войне, Турция подготовит себе базу для занятия территорий в Закавказье. Поводом вполне могло стать обращение Конфедерации народов Кавказа к Турции за помощью для поддержания порядка в регионе.

Но всё же находясь в сомнениях относительно будущей мировой расстановки сил и беспокоясь пока что о сохранении добрососедских отношений с СССР, кемалисты не разрешали кавказским эмигрантским деятелям легально действовать на своей территории. Однако при этом заинтересованные турецкие военно-разведывательные ведомства давали им понять, что нужно организовываться и ждать подходящего момента. По настоянию турок борцы за свободу Кавказа перебирались в Париж, организовывали общество “Прометей” в Варшаве в 1925 году, собирались в Чехословакии, Бельгии,

создавали “прогрессивные фашистские организации” в Берлине.

В мире пахло грозой, в Италии, Испании, Венгрии, Германии всё небо до горизонта застилало коричнево-чёрные тучи, угрожая расползтись по всей Европе и вырваться за её пределы. В таких условиях кемалистские принципы нейтралитета и равноудаления от сильных мировых держав стали уходить в прошлое. Пришло время выбирать, на кого ориентироваться.

Последние месяцы своей жизни Ататюрк провёл в Стамбуле, где он скончался в покоях дворца Долмабахче 10 ноября 1938 года. На траурную церемонию прибыло множество иностранных правительственных делегаций, в стамбульском порту пришвартовались советский эсминец “Москва”, английский линкор “Малайя”, французский крейсер “Эмиль-Бертин”, немецкий крейсер “Эмден”, греческий эсминец “Гидра”, румынский эсминец “Реджина-Мария”. Вся эскадра прошлых и будущих заклятых союзников и врагов в империалистическом разделе Земли приняли участие в двухчасовом эскорте крейсера “Явуз” с телом Ататюрка до Принцевых островов.

Чем же была турецкая революция 1918-1923 гг.? Борьбой с международным империализмом, превратившим страну в свой аграрно-сырьевой придаток, фактически в полуколонию. Однако это лишь внешнее, наиболее заметное и яркое проявление более глубоких, фундаментальных движущих сил турецкой революции. Противоречия внутри турецкого общества назрели и проявились в виде конфликта ещё до Первой мировой войны, его основными участниками были представители основных классов и прослоек: феодально-клерикальной аристократии, компрадорской буржуазии, нарождавшейся промышленной и торговой этнической турецкой буржуазии и, наконец, крестьянства, составлявшего большинство населения.

В ходе Первой мировой эти противоречия обострились и ещё до оккупации Турции войсками Антанты и интервенции, крестьянство массово дезертировало из армии. Крестьяне стихийно, неорганизованно выступали против феодалов и помещиков, султанских властей. К концу войны борьба крестьян, обременённых непосильными налогами и несущих на себе все тяготы войны, всё более усиливалась, крестьяне определяли виновниками всех невзгод, наряду с феодалами и помещиками, младотурецкие правящие круги и их немецких покровителей. Крестьяне начали объединяться в партизанские отряды, насчитывавшие десятки тысяч человек только в Западной Анатолии. С началом оккупации Турции войсками Антанты к борьбе крестьян против власти феодалов и помещиков, к борьбе за землю прибавилась борьба против иностранных захватчиков.

На этом фоне различным, антагонистическим классам Турции пришлось стать ситуативными союзниками в войне против интервентов. Сформировавшийся “единый национальный фронт”, был отнюдь не един в своих классовых устремлениях. Первоначально часть анатолийской буржуазии вовсе не спешила примыкать к “народному движению” и выжидала, надеясь обращениями и петициями добиться от Антанты сохранения за Турцией её земель. Как мы видели султанская власть в Стамбуле и компрадорская буржуазия были склонны пойти на компромисс с империалистами. Турецкая национальная буржуазия во главе с анкарскими властями были вынуждены на всём протяжении военного противостояния интервентам лавировать и идти на соглашения внутри национального фронта.

Там где классовые интересы турецких феодально-клерикальных кругов и националистов-капиталистов совпадали, они шли на разоружение крестьянских партизанских отрядов и уничтожение их командиров. Народным массам в лице вооружённого крестьянства и крайне малочисленного тогда пролетариата нельзя было давать слишком много воли, это было опасно для

турецкой буржуазии пытавшейся возглавить освободительное движение. Реорганизация вооружённых сил, превращение партизанских отрядов в армейские части и подчинение их единому командованию, несомненно, сыграли положительную роль в военном смысле. Но этими действиями кемалисты преследовали не только военные, но и сугубо политические, классовые цели. Считать что все слои турецкого населения: крестьяне, рабочие, городские ремесленники, средняя анатолийская и анкарская буржуазия, анатолийские помещики, духовенство составляли единый национальный фронт и не отстаивали свои классовые интересы, значит впадать в благодушие идеализма.

С важным уточнением следует принимать турецкую революцию 1918-1923 гг. как национально-освободительную. Кемалисты в своей национальной политике явились преемниками младотурок и следовали в национальном вопросе по пути своих предшественников. Не следует забывать о шовинистической и захватнической политике кемалистов на кавказском направлении в начале 1920-х гг., жестокое подавление восстаний курдского народа и ассимиляторскую практику в отношении национальных меньшинств внутри самой Турции.

Кемалистская революция была национально-освободительной по форме и буржуазно-националистической по содержанию, имела как положительные, так и отрицательные стороны. Главной её целью было превратить Турцию из полуфеодальной, полукOLONиальной страны в независимое буржуазное национальное государство. Прогрессивные результаты турецкой революции заключались в том, что она решила эту необходимую, историческую для того периода задачу и расчистила путь для становления и развития капитализма в Турции.

Находясь на положении вассала великих держав и будучи угнетаемой как колония, Турция — её правящий класс — в свою очередь выступала как угнетатель турецкого и всех прочих народов населявших Османскую империю, причём последние находились под двойным гнётом. Под народами следует понимать в первую очередь их массовых на тот период представителей — крестьянство, и отдельно — наёмных рабочих и городские ремесленные слои. В этой связи рассматривать национальную турецкую буржуазию и её идеологию в период революции, как национальную идеологию угнетённой нации нужно диалектически, с учётом всех противоречий.

Когда буржуазия угнетённой нации борется с угнетающей — это похвальная и вызывающая поддержку борьба со стороны каждого последовательного врага угнетения. Но поскольку буржуазия угнетённой нации, как мы постарались показать в частности в этой заметке, стоит за свой буржуазный национализм, последовательные враги угнетения выступают против. Где и когда свобода, не в буржуазном и националистическом её понимании, достигалась угнетённым народом, а точнее его тружениками и крестьянами, посредством войны против других тружеников и крестьян? Где и когда обреталась свобода одного народа, через подавление и уничтожение других малых и больших народов живущих вместе или рядом с ним? Отрицание всегда порождает ответное отрицание, пора переходить на качественно новый уровень и отрицанием “отрицания отрицания” стремиться к согласию.

Автор: Рубен Мхитарян

Источники:

[1] Киреев, Н.Г. История Турции XX век. Москва: ИВ РАН:

Крафт+, 2007, с. 146

[2] Новейшая история Турции. М. 1968, с. 54-56

[3] Шамарина, О.А. Московский договор 1921 г. : «Договор о дружбе и братстве»? // История и историческая память. 2015. №11, с. 147-148

[4] Киреев, Н.Г. Указ. соч. с. 437

[5] Там же, с. 178

[6] Там же, с. 185

[7] Там же, с. 157

[8] Вартаньян Э. Г. Отражение идей Зии Гёкалпа в теории и практике кемализма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения, 2019, Т. 24, № 3, с. 144

[9] Киреев, Н.Г. Указ. соч. с. 501

[10] Там же, с. 193

[11] Там же, с.198

[12] Там же, с. 200

[13] Постников А. Г. Проблема экономической подготовки Германии к мировой войне и германо-турецкие торгово-экономические отношения в 1933-1939 гг // Вестник ННГУ. 2014. №1-2, с. 352

[14] Там же, с. 355

[15] Джавахишвили Н. Из истории сотрудничества кавказских политических эмигрантов (в период с 1921-го до начала 1940-х гг.) // Кавказ и глобализация. 2009, №4, с. 172

Оригинальная статья